Зеркало... Зеркало, о котором он забыл, которое теперь ему не нужно, не говоря уже о том, чтобы взглянуть на собственное отражение. Оно отталкивало его, как пустой сосуд, хранящий лишь воспоминания о прошлом. Костер, разведенный в сундуке, давал достаточно тепла, чтобы погрузиться в тревожный сон. Он проснулся ближе к полудню, укрывшись от первых лучей рассвета под защитой крепостной стены. Суставы ныли от холодной мостовой, но ему было все равно. Желудок урчал, напоминая о голоде, но он не обращал внимания. Пепел от всего, что когда-то принадлежало ему в этом мире, развеялся по ветру, и он почувствовал себя странно свободным. Свободным и необремененным, как никогда раньше.Он сидел, погруженный в размышления, не замечая звуков и красок замка, раскинувшегося под его башней. День клонился к закату, когда его покой нарушило тихое горловое дыхание. Обычно он был рад любой компании, но сейчас прерывание одиночества казалось ему нежелательным. Все же это было лучше, чем зацикливаться на мыслях о том, чего никогда не будет. Оглянувшись через плечо, он увидел Сьюзен Боунс, осторожно приближающуюся к нему, в руках она держала экземпляр "Пророка". Сегодняшний выпуск, как никогда раньше, точно отражал события в Министерстве. Он не знал, но весь его бывший дом сейчас читал эти события и стыдился того, как они бездумно поступили с настоящим гриффиндорцем.Сьюзен всегда была добра к нему. Красивая, но неброская, с пышными светло-клубничными волосами, обрамлявшими нежные щеки и еще более нежные голубые глаза. У нее была прекрасная фигура и голос, подобный музыке. Он уже давно тайно любовался ею, но не верил, что она или кто-то другой когда-нибудь обратит на него внимание. — Почему? — спросила Сьюзен, тревога звучала в ее голосе. — Почему он должен был умереть?Он не стал уточнять, о ком она говорит, - он и так знал. Сьюзен спрашивала о Седрике, как делала это уже много раз. Что бы он ни отвечал, как бы ни успокаивал ее, она не казалась успокоенной и возвращалась, чтобы задать тот же вопрос снова. Он прокручивал в голове очередные банальности, которые могли бы хоть как-то утешить ее, но в конце концов решил - зачем беспокоиться. Может, ей нужно услышать правду? Хотя... что хорошего в том, чтобы говорить правду? У него были шрамы, чтобы доказать это, неизгладимо выгравированные на тыльной стороне руки для потомков.— Он умер не по какой-либо другой причине, кроме как из-за того, что оказался на пути, — холодно ответил Гарри. — Но разве он не мог увернуться или ты не мог вмешаться... что-нибудь? — почти взмолилась она, не понимая бессмысленности смерти своего друга.— Все произошло слишком быстро. Мы даже не успели опомниться, как кто-то так бесцеремонно наложил на нас "убивающее проклятие", но было уже слишком поздно. Я представляю, что испытывает муха, сидящая на стене: в одну минуту ты занимаешься своими делами, а в следующую - шлеп!Его аналогия, хотя и точная, была суровым напоминанием о хрупкости жизни. Он ожидал, что она разрыдается, может быть, даже убежит из дома, причитая от отчаяния и беспомощности. Вместо этого он получил гнев. — Почему? Почему вы не убили его, когда у вас была возможность? — почти кричала Сьюзен, размахивая газетой, на которой едва можно было разобрать фотографию себя, пытающегося сразиться с Волдемортом на дуэли в атриуме Министерства. — Я не мог... — мрачно ответил он, уныло отводя глаза. У него не было ни сил, ни опыта, чтобы хоть что-то сделать, не говоря уже о том, чтобы довести дело до конца. Сьюзен язвительно фыркнула. — Тогда какой от тебя толк?Осколок. Прошли месяцы и годы, пока он размышлял, что же было более сокрушительным? Слова, сказанные в пылу праведного гнева и разочарования, или земля, на которую он бросился. В тот момент он понял, что был мухой. Он был не более чем мухой, да еще и запасной. У него не было ни имущества, ни дома, ни друзей, ничего... кроме психа, который хотел убить его, чтобы показать всему миру, что он может. Оставалось только ждать, когда произойдет неизбежное, и - шлеп! Неизвестно было только, сколько еще ему придется страдать, прежде чем... Сплэт! Именно тогда, в самый мрачный момент, он решил, что лишит Волдеморта его будущей победы и тем самым избавит себя от еще большего количества страданий и одиночества. — Тогда что же в тебе хорошего? — спросила Сьюзен.Он ответил единственным известным ему способом в тот мрачный момент... он прыгнул. — НЕТ... БОГ НА НЕБЕСЕ - НЕТ!Сьюзен не помнила, сколько времени она простояла, уставившись на то

место на крепостной стене, с которого бросился Гарри. Лишь крики, доносившиеся снизу, вывели ее из состояния полного шока. Она с трудом осмелилась заглянуть за край вала астрономической башни и с ужасом поняла, что найдет там разбитого Гарри, лежащего на лужайке. В последних лучах сгущающихся сумерек она увидела профессора Макгонагал, отчаянно цепляющуюся за сломанную фигуру, а под ними расстилалось тёмное пятно. — Нет, дорогое дитя света… нет? Лили-цветок… Джеймс, Сириус… помогите мне… пожалуйста, не забирайте его у нас! — Макгонагал рыдала и умоляла, накладывая все чары, какие только могла придумать, чтобы попытаться сохранить жизнь в его разбитой оболочке.Минерва Макгонагал восстанавливалась после многочисленных ранений, полученных от рук авроров, которых Амбридж вела в заблуждение, когда пришло известие о сражении в Министерстве, а вслед за ним прибыли представители Ордена, чтобы сообщить, что еще один из их рядов пал.

http://tl.rulate.ru/book/104997/3690082